

Кампай

Джун Мотидзуки

После его возвращения в Японию Джун побывал в компании только один раз, где сразу всем объяснил, что возвращаться на работу в ближайшее время не собирается и вообще планирует в течение месяца улететь обратно в Китай. И, конечно, его заявление тут же породило тысячу слухов, которые он проигнорировал, и одно предложение, от которого он не смог отказаться. Около десятка сотрудников, выразили острое желание устроить приветственно-прощальный ужин, и, в принципе, не имея ничего против, Джун согласовал конкретную дату и поспособствовал тому, чтобы на него пришел и Сэтоши, который после свадьбы дяди казался ему каким-то странным.

Возвращение брата поздним утром на следующий день после церемонии произвело настоящий фурор. Пожалуй, он еще никогда не слышал от отца такого количества шуток, поэтому решил отложить напрашивающийся разговор с Сэтоши до лучшего времени, чтобы не приставать к нему с вопросами, когда тот был к этому совершенно не готов.

На первом этапе их небольшого корпоратива, они пару часов посидели в одном из небольших, но уютных ресторанчиков, располагавшемся неподалеку от офиса их компании. И не успели они даже как следует выпить, как несколько активных сотрудников, среди которых особенно выделялась миловидная очень разговорчивая девушка из рекламного отдела, которая, как он заметил, сегодня предпочитала держаться поближе к его брату, предложили отправиться в караоке. В этом Джун усмотрел некий умысел, во многом связанный с тем, что привлекательность Сэтоши для молодых сотрудниц компании резко выросла после того, как он сам пошел по стопам дяди Тору. Но, поскольку ему было очень интересно посмотреть, к чему вся эта ситуация приведет, он согласился пойти в караоке и проследил за тем, чтобы и брат отправился следом, не сбежав домой в самый интересный момент, как он это нередко проделывал раньше. Так что уже через полчаса они сидели в небольшом отдельном помещении, наслаждаясь местным алкоголем и выбирая песни, которые могли бы спеть, поскольку судя по общему настрою, хоть что-то промычать сегодня должен был каждый из присутствующих.

Сэтоши Мотидзуки

Начались рабочие будни, за которыми он успел забыть о подколах и шутках отца, которыми тот сыпал практически два дня после свадьбы, забыл Маргариту и разговоры с ней, и продолжил выполнять поручения. На самом деле он ничего не забыл, а решил просто ее образ запрячь в ту же ячейку в глубинах своего сознания, где были воспоминания о матери, и выкинуть ключик. Он хотел попросить Яреци написать портрет Маргариты, но останавливал себя. Никто не должен знать о том, что он к этой рыжей девушке что-то испытывает. Все эти прикосновения, вся эта нежность... все это его немного пугало.

Как-то раз в компанию пришел Джун, и потом он узнал, что сотрудники устроили ему прощальный корпоратив. Ему пришлось тоже идти, но он планировал посидеть

немного с коллегами, а потом поехать домой, чтобы снова чем-то заниматься. Он не любил эти корпоративы, но он ходил периодически на них. Но вот на этот он идти не хотел. Потому что было прощание с Джун. И осознание того, что Джун скоро уедет и не известно когда вернется его разочаровывало.

Он мало с кем общался, отвечал односложно, смеялся над чьими-то шутками, даже улыбался, но честно хотел уйти после первой части. Но потом с ним стала разговаривать девушка из какого-то отдела, и просто так уйти было нельзя. Пришлось общаться с ней. И он даже находил общение весьма забавным.

А потом они отправились в караоке-бар. За годы работы в компании Сэтоши в караоке был только два раза. И ни разу не пел. Он не любил петь. Ведь отец ему говорил, еще очень давно, что ему наступил медведь на ухо. Кажется, Джун тогда только родился, и он, пятилетний Сэтоши, пытался ему спеть какую-то колыбельную. Поэтому сейчас он нашел самое темное и укромное место и притворился скульптурой. К тому же девушка куда-то ушла...

Джун Мотидзуки

Вечеринка шла своим обычным чередом: он болтал с сидящей рядом Сато Мегуми-сан из дизайнерского отдела под уже начавшиеся завывания Танака-сана из финансового, огромная любовь которого к караоке была соизмерима только с его чудовищным голосом, а вокруг распространялся запах пролитого кем-то пива, на которое все сегодня налегали сильнее, чем на другие напитки. В своем обычном репертуаре был и Сэтоши, усевшись немного поодаль от всех остальных и воспользовавшись временным отсутствием девушки из рекламного, погрузившись в свои, судя по выражению лица, невеселые мысли.

Понимая, что разговор с братом давно назрел, а завывания Танака-сана не дадут остальным услышать, о чем они говорят, Джун извинился перед Мегуми-сан, с которой давно находился в приятельских отношениях, покинул свое место и пересел к Сэтоши, который, казалось, решил притвориться предметом обстановки, чтобы не мешать окружающим и не давать им мешать себе.

- И как тебе Ито Нанами-сан? - решил он поинтересоваться для начала. На его вкус девушка была симпатичной, но немного навязчивой и явно настроенной как можно скорее удачно выйти замуж, что заметно убавляло ее привлекательность. Сам он не планировал задумываться на тему создания семьи еще лет так десять, если не больше, но они с Сэтоши сильно отличались, поэтому в планы брата на ближайшее время могло входить что-то совершенно другое, хотя Джун и подозревал, что сейчас его планы были тождественны планам их отца.

Сэтоши Мотидзуки

Забавно наблюдать за теми людьми, которым не только медведь на ухо наступил, но и, кажется, еще и прилег отдохнуть, как они строят из себя идеальных исполнителей. У Танака-сана был чудовищный голос, чем-то отдаленно напоминающий бас, но скорее похожий на командирский голос. Как, например, у начальника тюрьмы. И слуха не было никакого. Он не попадал в ноты, даже каверкал слова какой-нибудь иностранной песни. И совершенно не парился по этому поводу.

Сэтоши сидел один и смотрел по сторонам, надеясь, что никто не обратит на него внимания. Настроение было плохое, ему не хотелось ни с кем разговаривать, поэтому он был рад, что про него все забыли. Он взял себе кружку пива, но пил его медленно, будто смакуя этот напиток. Тонкие и длинные пальцы отстукивали какой-то ритм по столу, а голова помимо всего прочего была забита формулами и отчетами, которые ему надо предоставить отцу на неделе.

Он был настолько поглощен своими размышлениями, что даже не сразу понял, что к нему подсел брат. Он мотнул головой и отпил немного пива. Интересно, сколько прошло времени?

- Симпатичная. Ориентирована на семью. Но я не уверен, что я в ее вкусе.

Это если по человеческим качествам говорить. Но ей скорее всего не нужен человек, ей нужна фамилия. Хотя кто их вообще разберет.

- Ты уже решил, когда уезжаешь? - Он отпил еще немного пива и облегченно вздохнул, когда этому Танака-сану надоело мучить микрофон и мелодию, и на какое-то время стало тихо. Но это длилось недолго, началась новая песня, и к микрофону встала Мегуми-сан, девушка из дизайнерского отдела. У нее хоть нормальный голос, как у многих девушек.

Джун Мотидзуки

- Суховато, - усмехнулся Джун на характеристику, которую брат дал девушке, положившей на него глаз. - Словно не женщину описываешь, а предмет какой. А как же что-нибудь про улыбку, красивую фигуру, нежную кожу и роскошные волосы? - Он чуть было не добавил "рыжие", чтобы немного подколоть брата, но в последний момент остановился. В его голове как-то плохо укладывалась вся эта история с Маргаритой-сан, и его разбирало жуткое любопытство что же там на самом деле было, но он считал, что Сэтоши и так хватило подколов отца и не стоило лишний раз поднимать тему, которая могла оказаться болезненной.

- Недели через две-три. Еще немного побуду дома, а потом обратно в монастырь. - Джун заглянул в свою полупустую кружку и решил сделать несколько глотков, чтобы подумать над дальнейшими словами. Ему нравилось в Японии, он любил родной город и свою семью, но возвращение в Линь Ян Шо он считал самым правильным решением. Впереди следовало научиться еще очень и очень многому, и пусть он не знал сколько времени это займет, не боялся потратить на это месяцы и даже годы.

- Да и все наши потихоньку разъезжаются. - Джун сначала сказал, а уже потом задумался, что всех, кто так или иначе связан с монастырем воспринимает не так, как других людей и выделяет их в какую-то особую группу, частью которой считает и себя. - Завтра днем я обещал отвезти в аэропорт Маргариту-сан и Дарсию. Еще через неделю в Пекин улетят дядя с Яреци...

Джун потянулся к своему пиву, но его внимание привлекла Мегуми-сан, машущая ему рукой, и он с улыбкой помахал ей в ответ и кивнул, показывая, что оценил ее исполнение. Пожалуй, идеально было бы забрать Сэтоши и увезти его куда-нибудь в

другое место, чтобы нормально поговорить, но пока их явно отпускать не обирались, поэтому следовало демонстрировать бурную радость от всего происходящего и, при этом, постараться не напиться.

Сэтоши Мотидзуки

- Не в моем вкусе, - пожал плечами Сэтоши и уставился на содержимое своей пивной кружки. - Мне такие не нравятся. Да и не думаю, сто ее вообще что-то интересует кроме денег.

Он задумался, какой же тип женщин ему нравится. И понял, что не может определиться, так как раньше никогда не задумывался об этом. До знакомства с Маргаритой. Вспомнив ее рыжие волосы и удивительные зеленые глаза, он мотнул головой и отпил немного напитка. Посмотрел на Джуна.

А тот как раз начал говорить про свой отъезд. Недели две. Очень мало. Хотя раньше они не были дружны, каждый жил сам по себе, никто не интересовался жизнью другого. И хоть Сэтоши периодически пытался о чем-то поговорить с братом, он все равно не лез к нему, предпочитая сохранять дистанцию. Они выросли лет десять назад, Джун перестал быть мальчишкой, а Сэтоши начинал работать с отцом. Его такой уклад жизни вполне устраивал. Но вот сейчас почему-то ему хотелось поговорить с братом, может потом будет легче отпустить его.

Сэтоши хмыкнул.

- Уже завтра, - одними губами прошептал он, когда Джун сказал, что Маргарита и Дарсия уедут в Китай. Наверное, нужно будет просто забыть ее. Так будет проще. Наверное, она о нем уже и не вспоминает.

Тем временем Мегуми-сан исполнила песню в караоке и помахала Джуну. Сэтоши поднял большой палец вверх, мол, ему понравилось, и девушка засмеялась, прикрыв рот ладошкой. Потом стала говорить с кем-то из девчонок. А Сэтоши вернулся к разговору с братом.

- Что же, ясно, - пожал он плечами и вздохнул.

Джун Мотидзуки

Услышав комментарий Сэтоши о несоответствии Нанами-сан его вкусам, Джун в очередной раз остановил пытающиеся сорваться слова, подчеркивающие интерес брата к европейкам. Хотя, если не брать в расчет недавнюю ситуацию, он с трудом представлял, какая бы женщина могла понравиться Сэтоши, учитывая, что он никогда не общался с девушками брата, если таковые вообще имелись. И осознание этого вызывало неприятное чувство собственной братской неполноценности, поскольку он никогда особенно не интересовался жизнью родного человека.

Джун чувствовал, что все эти рассказы о скорых отъездах только портят и без того далеко не безоблачное настроение Сэтоши и хотел было перевести тему на что-то более приятное, поскольку, в нынешних обстоятельствах откровенничать мешало присутствие посторонних людей, как вернулась Нанами-сан, которая тоже посчитала своим долгом продемонстрировать вокальные навыки. Пела она достаточно

посредственно, а вот крутилась перед их носами так, словно пыталась продемонстрировать максимум своих прелестей, которые хоть и были очевидны, но при такой откровенной подаче начинали немного раздражать. Так что Джун, несмотря на свою любовь к привлекательным женщинам, облегченно выдохнул, когда она, наконец, замолчала и шлепнулась рядом с Сэтоши, настойчиво убеждая его тоже что-нибудь спеть.

- Как по мне, так проще согласиться, чтобы она отстала, - прошептал он на ухо брату. Он не помнил, чтобы Сэтоши когда-нибудь пел в его присутствии, но сильно сомневался, что голос старшего Мотидзуки мог быть хуже его собственного. И раз даже такого безголосого человека как он сам нередко заставляли издавать в микрофон устрашающие звуки, то Сэтоши вполне мог собраться и хотя бы немного помычать под музыку, чтобы его больше не трогали и не заставляли заниматься тем, что ему так не нравилось .

Сэтоши Мотидзуки

Джун ничего не ответил. Может быть не успел, а может не захотел. Если не успел, то было понятно. У автомата караоке остановилась девушка, в которой он узнал Нанами-сан, внешность и характеристики которой они обсуждали. Он усмехнулся своим мыслям, будто это была не девушка, а племенная лошадка. Это показалось ему настолько забавным, что он усмехнулся.

Девушка пела нормально, но, как по мнению Сэтоши, у нее был очень тусклый голос, а на ухе тоже потоптался медведь в свое время. Хотя здесь никто не стеснялся своего голоса или его отсутствия. И всем было весело и интересно. Спокойно и свободно. И Сэтоши со своим не самым хорошим настроением в эту компанию не вписывался совершенно. Потому что он не был душой компании, ему было интереснее находиться в одиночестве, занимаясь делом любимым или не очень, но так ему было спокойнее. Так он мог выстукивать пальцами какой-нибудь ритм, тихо напевать какую-нибудь мелодию и быть уверенным, что это никто не заметит.

Нанами-сан спела, потанцевала, и он нашёл, что танцует она намного лучше, чем поёт, только вот делает это слишком навязчиво и вызывает желание перестать с ней общаться и уйти в какое-нибудь укромное место. Почему нельзя притвориться столбиком или статуей?

Коллеги похлопали девушке, и она очень неожиданно появилась в их компании. Притом села так, будто всегда там сидела. Когда она попросила его спеть, ему вдруг показалось, что стало подозрительно тихо и все смотрят на него. Но нет, стоило ему закрыть глаза, а потом их открыть, как снова стало шумно. Но все равно кто-то, видимо, слышал, что она предложила ему спеть, и теперь ждали его ответной реакции.

- Я не умею петь, - отрицательно мотнул он головой.

- А кто умеет? - Усмехнулась девушка.

- Но... ладно... - сдался он и допил пиво. Направился к автомату с караоке, чтобы

что-то спеть.

Джун Мотидзуки

Предлагая Сэтоши что-нибудь спеть, Джун немного сомневался в эффективности своих убеждений. Тот предпочитал одиночество шумным компаниям и не слишком любил показывать себя и свои способности перед другими людьми. И, по его мнению, брат слишком много комплексовал на пустом месте и думал больше, чем следовало, не позволяя себе хотя бы иногда поддаваться порывам и совершать не слишком разумные, но вполне нормальные для человека поступки, особенно, если те не оказывали глобального влияния на его жизнь.

Хотя последние события показывали, что Сэтоши в этом плане встал на путь исправления, поэтому его достаточно быстрое согласие поучаствовать в общем вокальном безумии пусть и стало для Джун некоторой неожиданностью, не удивило его так, как удивило бы в те времена, как он сам еще и не помышлял об отъезде в Китай и отказе от работы в компании.

Особенный интерес для него представляло, какую песню выберет брат из числа имеющихся. Ему как-то с трудом представлялось, чтобы Сэтоши пел что-то веселое и очень громкое, вроде того, что обычно выбирал Танака-сан. Ему подходило что-то более лиричное и проникновенное, но учитывая нездоровый интерес к его персоне Нанами-сан, которая к этому моменту уже успела изрядно накачаться, Джун бы не советовал ему сильно рисковать, остановившись на чем-нибудь нейтральном, чтобы потом ему самому не пришлось спасать брата от ее навязчивого внимания. Правда это зрелище обещало быть забавным, поэтому пока он решил ни во что не вмешиваться, планируя оказывать Сэтоши помощь только в том случае, если бы он не смог справиться с женщиной самостоятельно, чему ему давно стоило научиться в свои двадцать шесть с лишним лет.

Сэтоши Мотидзуки

Он подошёл достаточно медленно к автомату с экраном, на котором высвечивались номера песен. Долго он это изучал, думая, какую же песню ему выбрать, что спеть, чтобы не показаться каким-то неправильным. Хотя, если посмотреть со всех сторон, то он был неправильным везде. Он не любил шумные компании, предпочитая им одиночество. Может быть, он не любил именно эту компанию, но другой компании у него не было. Он не любил много разговаривать, предпочитая обходиться односложными фразами. Он не любил перечить отцу, да и не умел это делать, предпочитая с ним согласиться и делать всё так, как он говорит. Он не хотел ни с кем общаться. Потому что общение может вытянуть на свет каких-то демонов. Больше всего он не хотел общаться о своих отношениях с женщинами. Потому что, этого никто не знает, у него никогда не было женщины. Хотя нет, один человек об этом знает. Наверное, она уже забыла об этом. Завтра она уезжает. Он больше никогда её не увидит, она его забудет, и он тоже должен её забыть. Потому что она европейка. И она вряд ли захочет жить по их законам. А он... он слишком правильный и домашний, чтобы бросать всё и ехать неизвестно куда и неизвестно зачем.

Пока он думал, на экране высвечивались песни, а народ стал подшучивать над его тормознутостью. Но он всегда был таким, если дело не касалось какой-нибудь

работы, и эта черта характера стала настолько простой и очевидной, что он просто не обращал на неё внимания. Что-то должно было быть в человеке выделяющееся? Вот у Джун - это способности, они делают его непохожим на других людей. У Танака-сана это был ужасный громкий голос. А у него, Сэтоши, было вот всё это. И эта тормознутость тоже делала его непохожим на других.

Взгляд зацепился за песню, и он нажал на неё. Это была какая-то очень древняя песня, баллада, очень красивая, наделённая каким-то смыслом. И с первыми аккордами она порождала одно воспоминание, настолько глубоко запрятанное, что он был уверен, что оно не сможет прорваться наружу и позволит ему спокойно спеть песню и дальше уйти в свой уголок, а лучше вообще на улицу. Вздохнув, он взял микрофон и стал петь, отстукивая ногой ритм, так было проще. Голос сильно дрожал от волнения, но из-за микрофона казался очень красивым, насыщенным и чувственным. Услышав свой голос с усилителем, он удивился, так как считал раньше, что обладает самым тусклым и заурядным голосом.

На втором куплете он почувствовал, как воспоминания, такие странные и неприятные, вырываются из своего укрытия. Моменты его жизни, когда он был ещё совсем ребёнком, картинками всплывали перед его глазами, а звуки музыки, переплетённые с лирическими нотками его голоса, разносились по этому маленькому, но шумному помещению. Он не хотел вспоминать, но было уже поздно что-либо менять.

Он вспомнил её голос. Говорят, что люди помнят свою жизнь с пяти лет, может с трёх. Ему было полтора, когда она ушла. Он помнил её. Её ласковый и нежный голос, когда она пела ему песню, чтобы он успокоился после очередного падения. Он вспомнил, как хотел, чтобы она вернулась, но она не возвращалась. Он спрашивал у отца, куда она делась, но наткнулся на стену обиды, огорчения, злобы. Потом, со временем, всё забылось. Он познакомился с мачехой, нашёл с ней общий язык. А потом родился Джун...

- Что ты делаешь? - Хмуро спросил отец, входя в комнату, где он пел колыбельную маленькому братику, который не хотел засыпать. - Зачем ты это поёшь?

- Я хотел, чтобы он заснул. У меня ведь получилось?

- Нет. Я не желаю слышать эту песню. К тому же ты не умеешь петь.

С тех пор он не пел. Больше никогда. А сейчас это неприятное воспоминание терзало его сознание, не желая отпустить. А голос всё разлетался по помещению, ударялся о преграды и рассыпался миллионами осколков. Где-то остатками здравого смысла он понимал, что это совсем не та песня, которую он должен был спеть, но так получилось. И получилось очень красиво.

Об этом говорила тишина, воцарившаяся в помещении, когда отзвучали последние аккорды. Сэтоши положил микрофон и мотнул головой. Смущённо улыбнулся.

- Вот как-то так. Аплодисментов не надо. Развлекайтесь дальше, - постарался он сделать голос нормальным, но он предательски дрожал. А потом он вернулся к своему месту и, откинувшись на спинку дивана и положив на него голову, прикрыл глаза и попытался привести свои мысли в относительный порядок и уничтожить эти

воспоминания, вырвавшиеся наружу. Нужно сохранять непринужденный вид, чтобы все думали, что он просто спел песню.

Путеводная Нить

Шотаро всегда сам беседовал с сотрудниками, претендующими на место в финансовом отделе и отсеивал около девяносто пяти процентов желающих. Поэтому случайных людей там не водилось, хотя один сотрудник - Танака Акихиро временами вызывал жгучее желание выбросить его из компании несмотря на опыт и навыки. А дело было в том, что Танака-сан слишком любил всевозможные вечеринки и когда торопился на очередную из них, забывал обо всем на свете, включая его непосредственные обязанности.

Вот и сегодня он улетел с работы, не подумав отдать отчет по расходам на приобретение нового оборудования на фабрике, который Шотаро ждал от него с самого утра, да еще и игнорировал звонки финансового директора. Конечно, Шо прекрасно прожил бы без отчета и до завтрашнего дня, но эта ситуация его настолько разозлила, что он решил немного припугнуть забывчивого работника, чтобы у того надолго отпало желание веселиться. Он знал, что в честь возвращения и скорого нового отъезда Джуна устраивается небольшой корпоративный ужин, поэтому решил на него заявиться и немного подпортить Танака-сану настроение. В заведении, куда любили ходить сотрудники их компании, ему сообщили, что все уже ушли, и поскольку Шотаро знал, где обычно продолжаются подобные вечеринки для него не составило труда "выйти на след" и, поговорив с правильными людьми, выяснить, где именно сидит веселая компания.

Подходя к двери в оборудованную для караоке комнату, где сейчас находились его сыновья и остальные гуляки, Шотаро ожидал услышать знакомые вопли главного любителя песен в их компании, но доносящаяся из-за двери мелодия и приятный мужской голос, заставили его замереть на месте. Ему не нужно было видеть исполнителя, чтобы сразу понять - это его сын, поскольку эту песни он раньше слышал несколько раз в исполнении его матери и те чувства, которые она в нее вкладывала, были очень похожи на, что он слышал сейчас, даже не видя выражения лица Сэтоши.

Перед глазами не зависимо от его воли замелькали картины прошлого, которые он долгое время пытался от себя гнать. Он снова словно увидел Нэтсуми - молодую, яркую, с блестящими глазами и заливистым смехом, который, после их свадьбы, стал звучать все реже и реже. И понимая, что сейчас, если он ничего не сделает, его просто затопит этими болезненными воспоминаниями, Шотаро резко распахнул дверь, чтобы стать свидетелем того, как Сэтоши заканчивает петь и садится на диван, прикрывая глаза и оставляя его самого стоять в растерянности и просто смотреть на все происходящее, не зная, что и сказать.

Джун Мотидзуки

Выбор Сэтоши, сопровождаемый негромким хихиканьем пары сотрудников, удивлял Джуна ровно до того момента, как брат начал петь, поскольку трудно было представить песню, которая бы лучше подходила ему, как оказалось, очень красивому голосу. Звуки обволакивали и уносили всех присутствующих куда-то далеко, заставляя даже самых веселых и пьяных в их компании замолчать и

пораженно заслушаться, а самого Джун испытать чувство стыда за то, что он, как и присутствующие, во многом недооценивал брата, по причине того, что долгое время ничего толком не знал о его жизни, мыслях, чувствах и переживаниях, которые тот всегда старательно прятал от посторонних. И самым неприятным было то, что в этих самым посторонних по стечению обстоятельств попала большая часть семьи, включая его самого.

Сэтоши допел и сел рядом с ним на диван под многочисленные похвалы присутствующих и восхищенное верещание Нанами-сан, которая, похоже, решила своими восторгами затопить все помещение. Сам же он не сказал ни слова, чтобы не добавлять ненужной суеты, а просто похлопал брата по плечу, пытаясь показать, что он его понял, а, точнее, постарался понять, с учетом их странной семейной истории и его собственного юношеского эгоизма, долгое время мешающего внимательно посмотреть по сторонам.

Отвернувшись от Сэтоши, Джун перевел взгляд на дверь и вздрогнул, увидев отца. И дело было не в его в неожиданном появлении, а в эмоциях отражавшихся на его покрасневшем лице. В первый момент он было подумал, что Мотидзуки Шотаро зол или чем-то сильно раздражен, но потом он понял - на лице одного из самых непробиваемых людей в их семье отражалась растерянность, которая очень плохо вязалась с его привычным образом.

- Отец, - Джун решил привлечь внимание окружающих к его появлению, а заодно и вывести отца из ступора, наверняка, вызванного пением Сэтоши. - Проходи, присаживайся. Будешь что-нибудь?

Услышав его голос, вокруг все резко задержались, почувствовав себя неуютно в присутствии финансового директора, но даже такая суета была лучше неловкого молчания, способного только усугубить и без того непростую для некоторых ее участников ситуацию.

Сэтоши Мотидзуки

В голове до сих пор звучал голос отца, который за раздражением спрятал глубокую обиду и боль на женщину, которая когда-то была частью его жизни. Сэтоши не мог понять его чувств, так как в то время был маленьким ребенком. Наверное, ребенку легче пережить утрату родного человека, если ему находят замену. Матери Сэтоши нашли замену в лице Мизуки. Но взрослые намного тяжелее переживают предательство. Было ли это предательство матери по отношению к отцу? Вполне возможно.

Постепенно мысли вернулись на место, и молодой человек открыл глаза. В них были слезы, такие неожиданные и постыдные, показывающие слабость. Одно радовало - он сидел запрокинув голову, поэтому его слез не должно было быть видно. Он надеялся на это. Потому что это слабость. И если люди увидят, что он ревет как девчонка над какой-то песней, то это может породить новые слухи. Он не хотел, чтобы это все вытаскило на волю чьих-то демонов. Потому что отец может узнать об этом. О том, что он пел какую-то песню, которая могла ему напомнить о прошлом...

Сэтоши протер лицо руками, чтобы стереть слезы, взъерошил свои волосы и сел нормально. Осмотрел помещение. Кто-то тихо шептался, кто-то пытался пошутить, но чувствовалась неловкость.

- Ты так прекрасно поешь, - заворковала Нанами, глядя не него, - почему ты никонда не пел? Спой нам еще, пожалуйста.

Он отрицательно мотнул головой, а потом его привлек голос брата, и он вздрогнул, осознав к кому он обращается. Обернулся и встретился взглядом с отцом. Сглотнул и побледнел. Хотелось исчезнуть, хотелось уйти от этого позора. Неужели отец это слышал? Что теперь делать?

- Отец, я... присаживайся, - словно эхо повторил он за братом и посмотрел на девушку. Она его раздражала, и он хмыкнул. Как бы ее выгнать? Но девушка, кажется, сама решила уйти из их компании и вернуться к нормальным людям. Он вздохнул и посмотрел на отца.

Путеводная Нить

Его появление заметили не сразу, и какое-то время Шотаро просто мялся в дверях, пытаясь понять, что ему делать дальше, пока не встретился взглядом с Джунем, который тут же обозначил его присутствие. Веселья сразу поубавилось, и некоторые сотрудники нервно заерзали на своих местах, а одна из девушек из рекламного отдела, чьего имени он не помнил, до этого что-то шептавшая на ухо Сэтоши, предпочла тут же отсесть от его старшего сына подальше.

Шотаро знал, что сотрудники часто нервничают в его присутствии, поэтому на всевозможных корпоративных мероприятиях никогда не задерживался долго, не желая портить людям настроение, но даже не ожидал, что его неожиданное появление вызовет столь бурную реакцию, причем не только у коллег, но и у его собственных детей. И если Джун еще был относительно спокоен и собран, но Сэтоши явно испугался его возможной реакции на исполнение песни, любимой Нэтсуми, о чем сын, в силу его возраста на момент ухода матери, просто не мог помнить.

Шотаро сделал несколько шагов вперед, словно собираясь принять приглашение, но потом снова остановился и окинул Сэтоши взглядом. Он столько раз слышал об их поразительном внешнем сходстве, что и сам научился находить черты Нэтсуми в его лице. Но они имелись, и сейчас он видел это четче, чем когда-либо. И особенно это было заметно в форме его глаз, отличавшихся от глаз первой жены только их выражением, подобное которому он увидел лишь однажды, когда она уходила не только из его дома, но и из его жизни...

Несмотря на общее семейное благополучие, Шотаро так и не смог простить Нэтсуми ее решение, ради личной свободы и права жить, как хочется, уйти, оставив все, что ей было дорого. Но сейчас, глядя на Сэтоши, ему показалось, что если все продолжится в том же духе, сын тоже однажды уйдет, чтобы больше не жить в этой клетке семьи Мотидзуки, в которой было вполне комфортно ему самому, но которая отобрала у женщины, которую он любил, желание улыбаться и породила ненависть, постепенно убившую их отношения.

- Я не буду вам мешать, - Шо собрался и постарался говорить своим обычным тоном, хотя в одном моменте его голос немного дрогнул, пусть даже он решил никак и не комментировать песню в исполнении сына. - Мне нужен только Танака-сан.

Сейчас он был даже благодарен нерадивому работнику, позволившему ему переключиться с болезненной темы на бытовые вопросы, так что он решил его сильно не пугать, ограничившись только серьезным внушением, от которого, как он подозревал, в итоге так и не будет особого толку.

Джун Мотидзуки

С отцом сегодня явно творилось что-то не то, и Джун с беспокойством проследил за тем, как тот сначала сделал несколько шагов им навстречу, заставляя и без того притихших сотрудников начать нервничать еще сильнее, а потом резко остановился и начал разглядывать Сэтоши, словно с ним было что-то не так. Джун догадывался, что отец слышал пение брата и достаточно быстро связал его поведение с тяжелыми воспоминаниями, вызванные этой песней и, вероятно, самим исполнением, поэтому приготовился разрядить обстановку, которая, с учетом темперамента Мотидзуки Шотаро, могла накалиться в любой момент.

Но никаких вспышек не последовало, и отец просто объявил, что ему нужен Танака-сан, который, услышав свою фамилию тут же затрясся, как лист на ветру, но не посмел оставаться за столом, когда его звал начальник. Не нужно было много ума, чтобы понять - он опять забыл что-то сделать, причем этим самым так насолил отцу, что тот решил покарать его лично. И пусть Джуну было немного жалко веселого толстяка из финансового отдела, он почувствовал некоторое облегчение, понимая, что Сэтоши сейчас оставят в покое и, воспользовавшись подходящей обстановкой, он в ближайшее время сможет увести брата, которого явно напрягала вся эта компания и оказываемое на него давление.

Сэтоши Мотидзуки

Молодой человек выдержал взгляд отца, который в этот раз не был хмурым, недовольным. Сэтоши казалось, что отец выглядит смущенным, находится в смятении, и ему стало как-то не по себе. Потому что таким он не видел отца. А может и видел, в то время, когда был совсем маленьким. В памяти снова стали всплывать самые разные воспоминания из прошлого. Вот он, полуторагодовалый мальчишка, подходит к папе, который теперь сильно занят работой, пытается отвлечь его от работы и натыкается на стену. Папа стал хмурым. Он не объяснял, почему мама больше не придет, ограничившись сухим "она ушла". Почему ушла, зачем ушла, куда ушла он не объяснял. А маленькому ребенку было непонятно. Он приходил к бабушке или деду, но те не говорили ничего. Он хотел поиграть с Рюичиро, но тот считал себя взрослым...

Он вынырнул из своих воспоминаний, когда послышался голос отца. Тот смотрел уже на свою жертву, и молодой человек позволил себе коротко выдохнуть. Совсем он расслабился, когда отец с Танака-саном вышли из комнатки.

Заклятие тишины и страха перед высоким начальством постепенно спало, и коллеги по работе снова начали развлекаться в караоке. К ним с Джуном никто не приставал

больше, и он, воспользовавшись относительным затишьем вокруг их персон, посмотрел на брата. Слабо и смущенно улыбнулся.

- Ты говорил, что завтра отвезешь Риту... Маргариту-сан и ее подругу в аэропорт, - сказал он. И удивился тому, что запомнил редкое и красивое сокращение ее имени. Щеки налились румянцем смущения, и он опустил глаза.

Путеводная Нить

Иногда приятно было находить островки стабильности в творящемся вокруг безумии, разрушающем его привычный комфортный мир, и сейчас таким островком для него стал Танака со своими трясущимися от страха коленками и бесконечными извинениями, хотя Шотаро был больше чем уверен, что тот до сих пор не вспомнил, в чем успел провиниться. И, немного успокоившись, попав в привычную для себя обстановку, Шо сосредоточил все свое внимание на нерадивом сотруднике, чтобы случайно снова не посмотреть на сына и не увидеть в его глазах что-то, чего он очень боялся и чего не хотел признавать.

Он не стал прощаться с сыновьями или сотрудниками, а, кивнув своей жертве, чтобы та следовала за ним, просто вышел из помещения, собираясь поскорее разделаться с воспитательными моментами, назначить какое-нибудь взыскание и вернуться домой, чтобы посидеть немного за столом напротив Мизуки и попить чай, словно в их семье все было так же спокойно, как и всегда, и в ней не происходили все эти перемены, расшатывающие до основания все, во что он верил.

Джун Мотидзуки

Взявшись за Танака-сана, отец снова вернулся к своему привычному образу делового человека, вся жизнь которого так или иначе вращается вокруг работы. Поэтому его немногословность и нежелание тратить время на корпоративы никого не удивила. Так что, когда он вышел, все, немного посочувствовав Танака-сану, быстро вернулись к своим обычным занятиям, среди которых числилось поглощение пива и, преимущественно плохое, исполнение популярных песен.

Воспользовавшись тем, что их с Сэтоши пока никто не трогает, Джун раздобыл бутылку пива и заново наполнил их с братом опустевшие кружки, ожидая от него какой-то ответной реакции, которая не замедлила последовать в форме обращенного к нему вопроса.

- Да, они улетают завтра в двенадцать дня. - От него не укрылось ни смущение брата, ни то, как именно тот назвал женщину, из-за своих способностей приводящую его самого в легкий трепет. Сам он, признавая привлекательность Эрнандес-сэнсэй или сифу, как это было принято в монастыре, скорее всего не решился бы посмотреть на нее, как на большинство других интересных особ противоположного пола, но ему и не доводилось проводить ночь в ее номере, что могло бы сильно поменять его отношение к этому вопросу.

- Сэтоши, тебя нравится Маргарита-сан? - Джун с трудом удержал себя от желания не начать выяснять подробности ночи после свадьбы, которую брат провел вне дома. Он с момента своего возвращения чувствовал, что брата словно что-то разъедает изнутри, и это что-то стало только сильнее после дядиной свадьбы, хоть

Сэтоши старался и не показывать своих чувств. И пусть он собирался через пару недель покинуть Японию, Джун очень надеялся, что за это время успеет как-то помочь брату, чтобы его жизнь не превратилась в ближайшие несколько месяцев в бесконечные мучения без чего-то или кого-то способного скрасить его одиночество.

Сэтоши Мотидзуки

Отец ушел снова отчитывать Танаку, что, в принципе, было неудивительно, ведь тот постоянно что-то не доделывал или перекидывал все свои отчеты на кого-то другого. Финансовый отдел компании был небольшим и нельзя было сказать, что был дружным. Сэтоши был уверен больше чем на девяносто процентов, что все сотрудники отдела обсуждают и начальника, и его. Просто так было везде, во всех фильмах, и он не думал, что здесь прямо все уважают и любят Мотидзуки Шотаро. Если посмотреть иерархическую лестницу, то каждый сотрудник занимался своим делом, магазином ли, производством ли, потом это все попадало на стол к Сэтоши, который должен был привести всё это в должный вид и передать отцу. Ну а отец уже обо всем докладывал дяде Рюхею. И вот с Танака-саном обычно были проблемы, хотя, надо отдать должное, склад ума у него был аналитический, а проворливости его можно было позавидовать. Сэтоши никогда никому не завидовал, ему вообще было на все глубоко плевать.

Вернулся Джун с пивом, а с уходом отца и бедной жертвы в эту небольшую комнатку вернулось непринуждённое настроение и веселье. Сэтоши снова облегчённо вздохнул, когда под завывания очередного мучителя аппарата все забыли, что только что было. Он был уверен, что слухи если и пойдут по компании, то связаны они будут только с тем, что у него оказался очень красивый и бархатный голос. Наверное, его теперь будут приглашать на разные мероприятия, ему иногда придётся петь. Только он очень сильно надеялся, что никто не догадается связать эти эмоции на лице Мотидзуки Шотаро с чем-то прошлым. Просто он проникся душевным исполнением своего сына песни, и всё.

Вопрос Джуну заставил его смутиться ещё сильнее и поднять на него глаза.

- Да, она мне нравится... она... она необычная... женщина. Очень красивая, - сказал он, вспоминая те неловкие прикосновения к её коже. жаль, что невозможно вернуться в прошлое и ещё раз побыть с ней в номере отеля.

Джун Мотидзуки

Задавая свой вопрос, Джун не был уверен, что Сэтоши решит поделиться с ним своими чувствами, поскольку брат никогда не относился к числу откровенных людей. И пусть за общим шумом их никто не слышал, он мог замяться и попытаться уйти со скользкой для него темы. Тем удивительнее было Джуну, зависшему над кружкой и так и не успевшему сделать глоток, его честное признание.

- А ты понимаешь, насколько необычная? - мягко решил уточнить Джун, предполагая, что за рыжими волосами, светлыми глазами и молочно белой кожей брат мог не разглядеть самого главного. - Сказать по правде, я видел лишь крохотную часть из того, на что она способна, но и то, что я видел весьма впечатляет. Понимаешь, она сильный стихийный маг, из тех, кто может создать настоящий ураган или спалить целый дом. А еще, работать с катаной ее лично учил

дядя, и как гласит одна очень правдоподобная сплетня, она его заставила это делать. Ты представляешь, кем надо быть, чтобы заставить что-то делать Мотидзуки Тору, если он сам этого не хочет?

Джун не ставил своей целью напугать брата или представить глубоко уважаемую им женщину, которой он был очень благодарен за помощь, каким-то чудовищем. Просто он прекрасно осознавал два момента: первый - Маргарита-сан действительно зацепила его брата и второй - она при любом раскладе завтра улетит, потому что все остальные варианты являлись фантастикой, которой не было места в обычной жизни. И ему хотелось, чтобы любое решение брата по этому поводу определялось не только эмоциями, что, в принципе, ему было полезно, но и четким пониманием имеющейся картины.

- Сэтоши, ты меня, конечно, прости, но если я не спрошу, то просто лопну от любопытства, - Джун сделал большой глоток пива, чтобы подготовиться и затем выпалил, - у вас что-то было?

Задав вопрос он сразу отругал себя за несдержанность, но эта тема мучила его с момента возвращения брата в весьма провокационном виде, уж больно безумной ему казалось мысль, что два столь разных человека, не имеющих, как ему казалось, склонности к случайным связям, смогли настолько быстро поладить со всеми вытекающими последствиями.

Сэтоши Мотидзуки

Их никто не слышал, и никто не приставал к ним, хотя он краем глаза заметил, что Мегуми-сан хотела в какой-то момент подойти к ним, но потом её кто-то отвлек, и она снова взялась за микрофон. Сэтоши хмыкнул и отпил немного пива. Потом посмотрел на брата, который рассказывал про знакомую дяди Тору. Он никогда не верил слухам, предпочитая по возможности проверить это. В данной ситуации у него не было возможности проверить. Ну не пойдёт же он к дяде Тору и не спросит, заставляла ли Маргарита-сан его обучать её работой с оружием? Ему как-то ещё жись хочется, а за такой вопрос можно и по голове получить, если чего не похуже. И, разумеется, к Маргарите он тоже не пойдёт с таким вопросом. Но даже если это и имело место быть, то неужели это что-то значит?

- Да, я знаю, что она обладает магией. И что? Что, её из-за этого надо сжигать на костре? Закидывать камнями? Меня не волнует то, что она может там что-то спалить или сломать. Она... просто человек, который обладает какими-то способностями. И про слухи... даже если это и так, то что это меняет? Значит, она попросила его ей помочь.

Он осёкся и хмыкнул, поняв, что немного повысил свой голос, отвечая на речь брата. Возможно, нормальные люди боялись её, возможно она что-то сделала с дядей, что он начал её обучать, но его это совсем не касалось. Его касалось только то, что было в номере отеля. Её слова, жесты, поступки. Просто никто никогда не задумывается, что под всеми этими масками и способностями скрывается одиночество. Дядя был в детстве и юности бунтарём, Сэтоши его не очень хорошо помнил, да и не было повода вспоминать его. После того, как он в очередной раз поссорился с дедом, он уехал. Не звонил, не сообщал о себе. И ему, Сэтоши, было

как-то всё равно, что с ним. Просто они не были никогда близки, если не сказать, что они вообще не были близки.

- Мне она показалась очень одинокой. Она одинока, - после недолгого молчания продолжил молодой человек, слизывая с губ пивную пенку. - И нет, у нас ничего не было, - он усмехнулся. - Не убедительно? Но это так. Мы... я просто перебрал алкоголя и отрубился на кровати в её номере.

Он усмехнулся, глядя на свою пивную кружку. Наверное, его состояние, когда он забирал её сумку и передавал Джуну, что проводит её до отеля, было видно всем. И это было неожиданно и необычно, учитывая, что Сэтоши никогда до этого не пил так много и сильно...

Джун Мотидзуки

Когда Сэтоши начал пылко объяснять, что наличие магии ничего не значит, и это не повод как-то менять отношение к человеку, Джун начал внимательно поглядывать по сторонам, чтобы остановить брата, если его речь начнет привлекать к ним внимание. Но, похоже алкоголь, делал свое дело, и все решили временно оставить их в покое, радостно подпевая Мегуми-сан, затянувшей очередную известную песню, встреченную всеобщим восторгом. Поэтому он спокойно мог выслушать брата и сделать для себя некоторые выводы, которые прямо напрашивались из-за желания Сэтоши, откинуть все возможные претензии в адрес одной рыжеволосой особы.

- Ты не подумай, - решил он объяснить причину своего вопроса. - Маргарита-сан - замечательный человек. И она немало сделала для нашей семьи, хотя об этом никто не знает. Да она и мне помогала, никогда раньше меня не видя, только потому, что ее об этом попросила Яреци... Просто мало кто нормально относится к магии и прочим вещам, поэтому я хотел убедиться, что тебя в этом ничего не смущает. И, наверное, ты прав. Непохожесть на других и необходимость скрывать свои слабости делают человека одиноким.

Джун уже на своей шкуре прочувствовал, как трудно вернуться в обычную жизнь после того, как открыл для себя другую. И пусть со своими знакомыми и приятелями он старался вести себя как прежде, чтобы не дать им заметить произошедшие в нем изменения, его собственные чувства ко всему происходящему изменились и, отчасти, они гнали его из Японии туда, где он мог говорить с людьми, во всех смыслах на другом языке.

- Зря, - опять не удержавшись ляпнул он, когда услышал признание брата о том, что тот просто вырубился на чужой кровати. - Извини, это не мое дело, хотя неужели не хотелось?

Поняв, что опять говорит лишнее и лезет в чужие интимные отношения, Джун решил перевести тему на менее скользкую, поэтому задал вопрос, который волновал его намного больше любовных походов брата:

- Что планируешь делать, когда все разъедутся?

Скорее всего, Сэтоши собирался вернуться к своей обычной жизни, но его нынешнее состояние подсказывало Джуну, что это не самая лучшая идея. Но здесь он мог только советовать, а итоговое решение в любом случае оставалось за братом.

Сэтоши Мотидзуки

Кажется, он говорил слишком громко, но нет, все были заняты песнями, и это было хорошо. Потому что Джун начал нервничать. Сэтоши хмыкнул и качнул головой, когда брат снова начал говорить. У них получилась интересная дискуссия, которой никогда ещё не было. Потому что раньше Джун был слишком мал, чтобы дискутировать, а потом у каждого из братьев появились свои интересы, и они больше не общались. От слова совсем.

- Меня не пугает магия. Да, это странно, да, в материальном мире магия не поможет. Всё равно денег больше не станет, придётся работать, но... - Он не договорил, решив пока остановиться. Он не хотел обсуждать с братом свои чувства к Маргарите. К тому же она уезжала завтра в полдень, и они больше никогда не встретятся. Она забудет его, он тоже забудет её. Она вернётся в свой монастырь, будет учить людей магии, а он вернётся к работе в компании. Всё встанет на свои места, и больше никогда этого не будет. Нужно просто забыть. Если бы это было так просто...

- Все мы одиноки, Джун, - хмыкнул он. - Потому что, наверное, слишком много думаем. Но я надеюсь, что у тебя всё будет нормально, и ты после возвращения в свой монастырь найдёшь своё место. И друзей, которые тебя поддержат и помогут тебе. А я буду тебя поддерживать здесь.

Он допил своё пиво и внимательно посмотрел на брата, когда тот задал такой откровенный вопрос. Усмехнулся.

- Да нет, не особо хотелось. Всё-таки мы выпили... - Уклончиво ответил он. - Буду работать, постараюсь разобраться с этими бумажками. Буду делать всю такую же работу, что и раньше.

Ему показалось, что разговор не клеился. Ему хотелось уйти отсюда, оставить Джуну со своими друзьями, а самому вернуться домой. Эта песня, которую он пел, вернула неприятные мысли и чувства, и хотелось просто от них избавиться. Ведь говорить не с кем. Да и зачем кому-то забивать мозг его проблемами? Он двадцать пять лет жил без неё, проживёт ещё столько же. Это же не проблема...

- Я скоро собираюсь домой. Ты со мной или ещё останешься?

Джун Мотидзуки

Джуну было приятно отношение брата к магии, сильно контрастирующее с отношением того же отца. Ведь он и сам заметно отличался от обычных людей, поэтому тема обреченности на одиночество тех, кто в той или иной степени не похож на окружающих, казалось более ближе, чем ему того бы хотелось. И все это немного удручало, переключая с общего достаточно приподнятого настроения на не слишком типичную для него лирику, намекающую на необходимость в ближайшее

время завершать вечеринку и отправляться домой.

- Спасибо, - искренне поблагодарил Джун брата за его пожелание найти свое место, хотя он и не был уверен в возможности чего-то подобного в ближайшее время. Пока же ему предстоял долгий поиск, и на этом пути он собирался взять для себя все, что предлагает судьба.

- Ты тоже не залезай по уши в бумажки, а если залезешь - не забывай время от времени выбираться наружу. А я, если ты не против, буду иногда тебе звонить.

После своего предыдущего отъезда Джун из всей семьи общался только с матерью, даже не задумываясь лишний раз о том, чтобы позвонить брату, но сейчас все как-то изменилось, и он чувствовал, что вдали от родного дома был бы рад хотя бы иногда слышать голос Сэтоши.

- Да, я с тобой пойду. Хочу завтра проспать все на свете.

Джун усмехнулся, допил свое пиво и бросил взгляд в сторону бывших коллег. В былые времена он наверняка задержался бы еще на час или два, но сейчас происходящее вокруг было ему не слишком интересно. Поэтому, как только брат проявил готовность уходить, Джун попрощался со всеми присутствующими, твердо отказываясь от всех поступающих в его адрес предложений, и направился следом за Сэтоши, мысленно прощаясь с компанией и всем, что было с ней связано, на очень долгое время.
